

Аннотация. В статье идет речь о поэтике творчества самобытного немецкого писателя середины прошлого столетия И. Бобровского. Авторский стиль индивидуален и далек от подражания. В своих литературных работах он обращается к устному народному творчеству, что и определяет специфику его художественного стиля: «монтаж» традиционной и фольклорной речи, использование синтаксических оборотов, назывных и демонстративно-сценарических предложений. Образный, эмоциональный язык романов писателя богат метафорическими красками.

Ключевые слова: художественный стиль, устное народное творчество, синтаксические обороты, фольклор.

G.T. Gilfanova

Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

SPECIFICS OF J.BOBROWSKI'S ARTISTIC STYLE

Abstract. The article deals with the creativity poetics of J. Bobrowski – original German writer of the middle of the last century. The author's style is individual and far from imitating. In his literary works he refers to the verbal folklore, which determines the specifics of his artistic style: "installation" of traditional and folk speech, the use of syntactic turns, denominative and deliberately-theatrical sentences. Figurative and emotional language of the writer's novels is rich with metaphorical colors.

Key words: artistic style, verbal folklore, syntactic turns, folklore.

Художественный текст Иоганнеса Бобровского (1917-1965) обладает авторским своеобразием. В нашем исследовании мы выявляем характерные особенности языка немецкого писателя Восточной Германии, заключающегося в выборе героев, композиционных особенностях текста его романов («Мельница Левина», 1964 и «Литовские клавиры», вышедший вскоре после его смерти), языке героев, собственно, особенности его художественного стиля.

В своем творчестве Бобровский широко использовал и «монтаж» и «поток сознания». В работах немецких литературоведов подчеркиваются особенности стиля и поэтики прозы Бобровского, которые состоят в пересечении «монтажа», традиционной и фольклорной речи [2, S. 20]. Именно, благодаря фольклору, для которого характерны простота, ясность и четкость изложения, писателю удалось сделать более прозрачным сложное построение своих романов. Следуя традициям народного творчества, он избирает принцип свободного повествования, свободного рассказывания, «освобождает» свою прозу, свои романы от сложившихся, официальных форм повествования, построения романа. Его романы похожи на вольное, свободное, стихийно возникшее народное представление, где всякое слово, песня, танец – экспромт, что возникло по воле души, а не через размышление и распределение (нормирование), стихийно, выплеснулось как весенняя вода.

Связь И. Бобровского с народной эстетической и нравственной культурой, проявляется уже с первых строк произведений. Сказовое начало «Мельницы Левина» напоминает присказку, которую автор озвучивает несколько по-другому: «Главное начать, и с чего начать, конечно, известно, а больше ничего неизвестно – разве что, первый пункт, да и он еще под сомнением». И дальше начинается как бы сама сказка: «В низовьях Вислы, на небольшом ее притоке, стояла в 70-е годы» [1, с. 143].

Но уже через абзац повествование, напоминающее, как лексикой, так и синтаксическими оборотами, ход притчи, сказки, принимает точный, целенаправленно лаконичный и оформленный сжато и компактно вид.

«Итак, пункт первый...

Это – пункт первый...

Ладно, пусть это и будет пункт первый...» [1]. Таким образом, краткость и ясность изложения переплетается повторами, придающими повествованию музыкальную тональность. Через страницу ход текста приобретает уже несколько иной вид: описания с подробными комментариями, обилие номинативных (назывных) предложений — все это явно напоминает чтение киносценария.

(К слову, следует заметить, что в ГДР был написан киносценарий по роману «Мельница Левина» и была предпринята попытка экранизации этого произведения.)

Одной из структурных особенностей романа является то, что автор то скрывается за тем, что он изображает, то вмешивается в повествование, вызывает на сцену то одного, то другого героя, приказывает им: «Говори, чтобы я тебя видел. Говори, чтобы мы тебя увидели». (А в оформлении текста это непосредственно выражается в том, что изложение идет то от третьего, то от первого лица) Бобровский выявляет свое отношение к героям иногда прямой авторской характеристикой, иногда переменной интонацией, иногда изменением в выборе лексических единиц.

Язык в романах писателя образный, эмоциональный, богатый метафорическими красками:

«За Тшанеком кончаются деревья, что выстроились вдоль шоссе, и поверх лошадиных голов открывается вид на равнину. Отсюда дорога ведет “прямохонько” на деревню, вначале она умещается между левым ухом левой и правым ухом правой лошади. <...> Слева от правого уха Гнедого <...> возникает церковная колокольня <...> а рядом с ней, ближе к левому уху <...> стоит дом Густава, <...> сходящиеся группами каштаны и липы, живые изгороди и фруктовые сады, сирень и бузина. Но это уже не вписывается в пространство между лошадиными ушами» [1, с. 147]. Эти строки поражают как оригинальностью сравнений, так и построением самих демонстративно-сценарических предложений: автор, будто подробно описывает определенную панораму, и читатель начинает видеть это описанное глазами автора.

Народно-разговорная стихия передается у писателя с помощью неправильных форм, диалектных словообразований, благодаря которым он добивается особой емкости, сочности и образности художественной речи, точности, правдивости, исторического контекста.

В разговоре-диалоге, просто при описании писателем употребляются короткие предложения: «Мой дедушка. В церковь.», устные обороты, которые свободно стилизуются в речи автора. Введены литовские звуки — «волк, *canis lupus*», «восходит на небо *ksiezyk* или *la lune*», языковые нарушения «-rozumien, — говорит Вайжмантель, стало быть, говорит, понял» [1, с. 225], взятые из смешанных немецких и польских элементов. Художественный стиль И. Бобровского воздействует на воображение и чувства читателя, передаёт мысли и чувства автора, использует всё богатство лексики, характеризуется образностью, эмоциональностью речи. В своем романе он знакомит нас с жизнью народа, его деятельностью, его творчеством, мы «погружаемся» в творчество его истинных представителей — музыкантов, поэтов, священников, учителей, мастеров.

В одном из своих интервью, когда его спросили об индивидуальном стиле, Бобровский сказал: «Духовное... живет в самом языке. Все, язык и стиль письма — это творчество, поэтика, где взаимодействуют чувственность и духовность, поэтика, которая привлекает нацию, общество — в этом и выражение личности самого автора» [2, S. 19].

Литература

1. Бобровский И. Избранное. — М.: Молодая гвардия, 1971. — 447с.
2. Bobrowski J. Gesammelte Werke. Hrsg. v. Eberhard Haufe. Dritter Band. Die Romane. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1987, 333 S.

УДК 81

Э.Н. Гилязева

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

К ВОПРОСУ ДЕФИНИЦИИ ЭПИТЕТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения эпитета в лингвистике. При наличии большого количества работ, посвященных изучению данного стилистического приема, теория эпитета разработана недостаточно. Отсутствие единой трактовки понятия не позволяет точно охарактеризовать использование эпитета в речи. Целью работы является изучение теории эпитета, в частности, трактовок понятия в отечественной и зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: эпитет, троп, фигура речи, стилистический прием.

E.N. Gilyazeva

Kazan Federal University, Kazan, Russia

ON THE DEFINITION OF AN EPITHET IN RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTICS

Abstract. The article is devoted to the problem of defining the epithet in linguistics. There is no common interpretation of the term epithet, moreover scientists doubt whether it is a trope or just a stylistic device. The absence of a single interpretation of the concept does not allow to characterize the use of the epithet in speech. The aim of the work is to